

К

Совершенно
эмоциональные
и абсолютно
пристрастные
портреты
знаменитых людей

александр
казакевич

ISBN 978-5-227-07390-7



9 785227 073907

ОТ ВЕЛИКОГО ДО СМЕШНОГО

Г.-Х. Андерсен
О. Бальзак
К. Бальмонт
И. Барков
И. Бах
Д. Бедный
А. Блок
И. Брамс
В. Брюсов
И. Бунин
Р. Вагнер
Вольтер
З. Гиниус
Н. Гоголь
И. Гончаров
М. Горький
А. Грибодов
Ч. Диккенс
А. Конан Дойль
Ф. Достоевский
А. Дюма
С. Есенин
Э. Золя
Конфуций
И. Крылов



ЦЕНТРОЛИГРАФ®

Александр Владимирович Казакевич

От великого до смешного.

Совершенно эмоциональные и абсолютно пристрастные портреты знаменитых людей

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27357828

От великого до смешного. Совершенно эмоциональные и абсолютно пристрастные портреты знаменитых людей. / Казакевич А.В.:

Центрполиграф; Москва; 2018

ISBN 978-5-227-07390-7

Аннотация

Каждая биография этого сборника представляет собой не традиционный портрет-биографию знаменитого человека, а личностную, авторскую, сугубо субъективную характеристику той или иной знаменитости. Поэтому будьте готовы к тому, что многие портреты известных людей, написанные Александром Казакевичем, не совпадут с теми «классическими» картинками, к которым вы привыкли.

Автор говорит читателям: «Посмотрите на этих великих людей – они имели не меньше недостатков, не меньше забот, трудностей и испытаний, чем у каждого из нас, но они смогли сделать то, что

другим кажется и невозможным. А это значит, что вы тоже можете добиться того же или еще большего!» Персонажей для книги автор подбирал исходя из собственного интереса к личности. К сожалению, некоторые при более близком знакомстве с их жизнью вызывали не восторг и удивление, а совершенное, категоричное неприятие. Таковой оказалась личность Вагнера, но автор включил эту биографию в сборник для контраста... Продолжение темы совершенно эмоциональных и абсолютно пристрастных портретов знаменитых людей в следующей книге: «От смешного до великого».

Содержание

От автора	5
Андерсен	9
Бальзак	21
Бальмонт	51
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Александр Казакевич
От великого до
смешного. Совершенно
ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ
и абсолютно
пристрастные портреты
знаменитых людей

От автора

Доброго дня, читатель!

Книга, которую вы держите в руках, совершенно необъективна. Да, да, мой друг, это не ошибка в тексте. Каждая биография этого сборника представляет собой не традиционный портрет-биографию знаменитого человека (с перечислением-описанием основных дат и событий в его жизни), а личностную, авторскую, сугубо субъективную характеристику той или иной знаменитости. Поэтому я заранее хочу попросить у вас прощения, если портреты известных людей мо-

ей «кисти» не совпадут с теми «классическими» портретами, к которым вы привыкли.

Эта книга была написана не для того, чтобы принизить высоких: посмотрите, мол, насколько эти великие и знаменитые неприглядны и смешны в своих недостатках, слабостях и даже пороках! Нет! Она была написана для того, чтобы вдохновить и возвысить души людей простых и обычных, чтобы сказать им: «Посмотрите на этих великих людей – они имели не меньше недостатков, не меньше забот, трудностей и испытаний, чем у каждого из нас, но они смогли сделать то, что другим кажется и невозможным. А это значит, что вы тоже можете добиться того же или еще большего! Не каждый уголь должен, но каждый уголь способен стать алмазом! Все в наших руках! Примером тому – все эти люди, посмевавшие жить по своей воле, поступать по своей сути, быть самими собой».

Прежде чем начать работу, я всегда оценивал свой собственный интерес к той личности, чью биографию хотел написать. И если интерес был большим, я начинал собирать материалы для будущей биографии. К сожалению, некоторые личности при более близком знакомстве с их жизнью вызывали не восторг и удивление, а совершенное, категоричное неприятие. Таковыми оказались личности Вагнера, Петра I, Пикассо... Но я включил эти биографии в сборник для контраста.

И еще несколько слов об этой книге. В ней, вы заметите,

не все биографии одинаковы по объему: одни сравнительно небольшие, а другие – достаточно подробные. Дело в том, что в самом начале я не думал об издании отдельной книги биографий, но писал небольшие по объему, «газетные» очерки-биографии, которые готовил для разных печатных СМИ – с учетом их требований. И поскольку требуемый объем был ограничен в среднем 10–11 тысячами знаков с пробелами, то и статьи я делал исходя из этих требований (хотя мог бы изначально сделать их вдвое-втрое или впятеро больше – о чем сегодня, кстати, жалею).

Позднее, когда ко мне стали приходиться читательские письма с отзывами на мои биографические статьи, я понял, что нужно в них изменить. Прежде всего, это касалось объема биографий, так как «газетный формат» не позволял составить полноценный, отчетливый образ знаменитой личности. И тогда я стал писать книжные биографии, не ограничивая себя объемом, а в газеты и журналы отправлял сокращенные их версии. По этой причине настоящий сборник составлен из больших и малых – из «книжных» и «газетных» биографий.

Мой подход к написанию биографий был таким: давать прежде всего ту информацию, которая малоизвестна или вообще неизвестна широкому кругу читателей. Дублировать то, что можно найти в любом школьном учебнике по литературе или энциклопедическом словаре, мне не хотелось. Еще я старался, чтобы мои биографии не были скучны ни по со-

держанию, ни по стилю, потому что, как верно выразился Вольтер, «все жанры хороши, кроме скучного». Наконец, я старался рассказывать о тех фактах и историях из жизни знаменитостей, которые могли бы не только развлечь читателя, но и принести ему пользу, как некий важный, поучительный урок или наглядный пример.

И последнее, что я хочу вам сказать, мой читатель: простите меня великодушно за возможные ошибки, неточности и прочие недочеты, которые вы, возможно, обнаружите в книге, – я писал не научно-исследовательские, а именно художественные биографии. Писал так, как велело мне сердце, мое личное восприятие того или иного персонажа этой книги. Ведь главной целью книги было не очередное исследование жизни и деятельности кого-то из великих, а – создание яркого, эмоционального, запоминающегося образа знаменитого человека. Насколько мне это удалось – судить вам.

Приятного чтения, мой читатель!

С любовью, *Александр Казакевич*

P.S. Данный сборник биографий выходит в двух частях: первая называется «От великого до смешного, вторая – «От смешного до великого». Каждую из них можно читать самостоятельно 😊

Андерсен

**«Рабочие подкралась к нему
сзади и стянули с него штаны:
они хотели удостовериться
– юноша он или девушка?»»**



Чудесная судьба

«Моя жизнь – это прекрасная сказка... Если бы в детстве, когда я бедным мальчиком один пустился по белу свету, меня встретила могущественная фея и сказала бы мне: «Выбери себе дорогу и цель, и я буду охранять и направлять тебя!» – и тогда моя судьба не сложилась бы счастливее, мудрее и лучше. История моей жизни поведаёт миру то, что она говорит мне: Господь милостив и все творит к лучшему».

Так начинается автобиография всемирно известного датского писателя, великого сказочника Ханса Кристиана Андерсена.

Четырнадцатилетним мальчиком Андерсен приехал из провинции в город, не зная ни единого человека и не имея ни денег, ни возможности заработать себе на пропитание. И ему удалось не только выжить, но и стать знаменитым человеком. Мало того, еще при жизни он смог увидеть собственный памятник, который воздвиг ему датский народ. Кто мог бы похвастаться таким благоволением судьбы?

«Гадкий утенок»

Наружность и поведение Андерсена часто вызывали смех.

Он был чрезвычайно нескладен: очень высокий рост, худые и длинные, почти до колен руки, неправдоподобно большой нос, за которым прятались маленькие, близко посаженные друг к другу раскосые глаза, огненно-рыжая копна нечесанных волос. При этом, несмотря на гренадерский рост, – тонкий женский голос, неестественно театральные движения и такая же театрально-вычурная речь. Эта странная, если не сказать комическая, внешность была одной из причин его болезненной мнительности. Помните, как в сказке «Гадкий утенок» утка учила утят держать лапки вместе? Когда-то и Андерсена мать учила держать ноги носками наружу, а не внутрь – «так только дураки и неудачники ходят». Похоже, советы матери мало помогали сыну. Он, «гадкий утенок», только к концу жизни смог превратиться в прекрасного лебедя.

Каких только оскорбительных кличек ему не довелось услышать! И «аист», и «фонарный столб», и «орангутанг»... Причем это говорилось в открытую, в лицо, с издевкой! Земляки Андерсена проявляли к нему крайнюю несправедливость: они просто не понимали его и мешали ему когда могли и в чем могли. И признали они его только потому, что его признали чужие – народы других стран. Опомнившись и удивившись, датчане загладили свою вину перед ним, поставив писателю в центре столицы бронзовый монумент...

Наивный великан

Если наружность и поведение Андерсена вызывали смех, то еще большее впечатление производил сам человек, скрывающийся за этой внешностью. От его наивной и пламенной души исходило некое излучение, от которого невозможно было укрыться. Никто не мог устоять против его искренне добрых, умоляющих глаз, его невозможно было оттолкнуть. Вот только один пример.

В детстве Ханс Кристиан ходил с матерью на поля, где бедняки собирали колосья. Однажды им встретился там управляющий, известный своим дурным нравом. Они увидели, что он приближается с огромным кнутом; все пустились бежать, но малыш не поспевал за другими, и управляющий схватил его. Он уже поднял кнут, но мальчик посмотрел ему прямо в лицо и сказал: «Как вы смеете бить меня, ведь Бог может увидеть!» Управляющий сразу смягчился, погладил мальчика по щеке, спросил, как его зовут, и дал ему монетку. Когда мальчик показал деньги матери, она сказала, обращаясь к окружающим: «Удивительный ребенок мой Ханс! Все его любят, и даже этот негодяй дал ему денег!»

Ему всегда хотелось есть

Андерсен был сыном башмачника и прачки. Еды в семье почти всегда не хватало. На закате жизни Андерсен признавался, что ему постоянно хотелось есть и он мечтал когда-нибудь наесться досыта. Вероятно, память о голодной молодости заставила его быть предельно экономным. Получив от друзей или покровителей деньги, он тотчас же перекладывал их в сундук. Чтобы не тратиться на еду, он напрашивался в гости то к одному, то к другому – к этому на завтрак, к этому на обед... Но он вовсе не был скупцом. Став относительно свободным в своих тратах, он помогал бедным, в том числе и многим из тех, кто письменно обращался к нему с просьбой о помощи.

А таких писем к нему приходило со всего света до сотни в день.

Андерсена, как никакого другого писателя, обкрадывали издатели, не платя ему авторских. Если же и платили, то совершенно мизерные суммы. Однако, несмотря на это, он сумел накопить немалое состояние, которое после его кончины было завещано его друзьям.

Плакса

Чрезвычайная чуткость и ранимость его большой души заставляли Андерсена, не в силах которого было мужественно сражаться с препятствиями, обращаться к слезам. Плакал он не реже маленькой капризной девочки – по нескольку раз на день, а временами и того чаще. Женщинам не раз приходилось утешать и успокаивать его, когда он со слезами выходил из-за стола, оскорбленный той или иной невинной шуткой.

Некоторые биографы объясняют плаксивость писателя следующим эпизодом из его жизни. В молодости, еще никому не известный юноша, недавно приехавший в столицу, он снимал за небольшие деньги комнату в доме у некой мадам Торгесен. Он спросил хозяйку, не возьмется ли она его кормить. Хозяйка согласилась, но потребовала за это 20 риксдалеров в месяц. Таких денег у Андерсена не было. Те немногие деньги, которые давали ему друзья и знакомые – а их-то он всегда умел заводить повсюду, – уходили на скудную еду и билеты в театр, без которого он не мог тогда представить свою жизнь. Может быть, хозяйка возьмет шестнадцать вместо двадцати? Нет, она была неумолима. Она сказала, что собирается в город, и пусть он даст ответ, когда она вернется. 20 риксдалеров, ни больше ни меньше. Она ушла, оставив его в слезах. На стене висел портрет ее по-

койного мужа, и Андерсену показалось, что портрет смотрит на него очень приветливо, и тогда в своей детской простоте он попросил покойного, чтобы тот смягчил сердце жены; он увлажнил глаза портрета собственными слезами, чтобы тот лучше его понял. Такое удивительное использование средневековой магии оказало свое действие, и хозяйка, вернувшись, снизила цену до 16 риксдалеров, которые предлагал Андерсен.

«Послезавтра я уезжаю, и вообще, скоро умру...»

В молодости Андерсен работал на фабрике. Грубые и сальные шутки рабочих шокировали ранимого и впечатлительного юношу, заставляя его по-девичьи краснеть и опускать глаза. Однажды во время пения – у Андерсена от природы было прекрасное сопрано – рабочие подкрались к нему сзади и стянули с него штаны: они хотели удостовериться – юноша он или девушка?

Став взрослым, Андерсен так и не повзрослел характером: он остался таким же наивным и крайне чувствительным ребенком. Любая, даже малейшая похвала или комплимент в его адрес могла привести его в восторг и трепет, и он, забывая обо всем и всех, начинал декламировать собственные стихи или читать свою новую рукопись, которую он всегда носил в кармане, чтобы читать из нее при любой возможно-

сти. Но если вдруг находились такие, кто отказывался наслаждаться плодом его творческого гения, то это повергало Андерсена в такую депрессию, что он от горя целый день сидел, запершись в своем номере или комнате, и беспрестанно плакал.

Ему было трудно угодить. Даже его друзья, хорошо зная его натуру, подчас теряли с ним всякое терпение. Андерсену не в силах было понять, что у друзей могут быть другие обязанности, кроме как быть его друзьями, всегда готовыми ему услужить. В отчаяние и пессимизм его могла привести любая мелочь: например, недостаточно доброжелательный взгляд или слишком, по его мнению, холодный тон письма, не такой, как «друг пишет другу»...

Каждый день он ходил к кому-нибудь в гости – посетовать на что-нибудь. И если, не дай бог, он случайно никого не заставал дома, то жутко сердился и писал, например, такие трагические записки: «Фру Коллин! Мне больно, что вы меня избегаете; сейчас я ухожу, послезавтра я уезжаю, и вообще, скоро умру! С почтением Х.К.».

Приходится только посочувствовать его друзьям, ибо им приходилось, общаясь с Андерсеном, учиться терпению. Да и как можно было вести себя с человеком, который на людях стремится говорить только о себе, который вечно жалуется, что болен, или плачет, если кто-нибудь ему перечит...

«Это только кажется, что я умер»

Любой пустяк: царапина на пальце, синяк на колене, рыбная кость, которую он, как ему казалось, проглотил, небольшая простуда – все внушало ему ипохондрический страх. Даже слушая о болезнях других, он боялся заболеть сам. Он так боялся погибнуть от огня, что в любую поездку всегда брал с собой длинный канат, надеясь спастись с его помощью в случае пожара. Он также очень боялся, что его похоронят живым, и потому просил друзей, чтобы в любом случае ему разрезали одну из артерий перед тем, как его положат в гроб. Когда он болел, он часто оставлял на столике и кровати записку. В ней было написано: «Это только кажется, что я умер».

Андерсен страдал особой формой неврастения, проявлявшейся в постоянной усталости и недомоганиях – тошноте, головной боли, приступах головокружения и многом другом. Почти у каждой даты в его дневнике записано, что он чувствует себя больным. Ему постоянно нужно было отвлекаться от чувства усталости, ходить в гости, чтобы думать о чем-нибудь другом, путешествовать, чтобы забыть свои страдания. Отсюда его постоянное движение, продолжительные ежегодные путешествия. Стоит ли после этого удивляться, что у Андерсена не было собственного дома.

Всю жизнь он прожил в гостиницах и меблированных

комнатах. Когда в 1866 году ему все же пришлось купить собственную мебель, он был вне себя: проклятые вещи привязывали его к определенному месту! Особенно его приводила в ужас кровать: ему казалось, что он скоро умрет и кровать переживет его и станет ему смертным одром. (Она им не стала, но действительно пережила хозяина и теперь стоит в музее в Оденсе.)

В борьбе с любовью

Андерсен всю жизнь прожил девственником. Он не был ни гомосексуалистом, ни импотентом, но, увы, насладиться плодом чувственной любви он так и не сумел. Сознание собственной невыгодной внешности и чувство, что он не такой, как все, мешало ему поверить в успех у противоположного пола. Он не раз был на волоске от грехопадения, но всякий раз отступал.

В Дрездене, например, его пыталась соблазнить одна немецкая писательница, которая все время порывалась поцеловать его и которая была «старая, толстая и горячая». В Неаполе искушения преследовали его на каждом шагу, но он, «испытывая страсть, которой никогда не знал», вынужден был спешить домой, чтобы облить холодной водой голову. В своем дневнике он писал: «У меня в крови жар. Я по-прежнему сохраняю невинность, но я весь в огне... Я наполовину больной. Счастлив тот, кто женат, и счастлив тот, кто

хотя бы помолвлен». Он с трудом сопротивлялся сиренам опасного города, а при отъезде успокоенно написал: «Все же я вышел из Неаполя невинным».

Его потребность в женщинах была велика, но страх перед ними еще сильнее. Во время поездок в Париж после 1860 года Андерсен иногда посещал публичные дома. Там он наслаждался вежливыми приятными беседами с полуобнаженными проститутками. Но он был просто шокирован и крайне возмущен, когда Дюма, который и затащил его в это заведение, намекнул ему, что в публичный дом он ходит, вероятно, не только для того, чтобы поговорить...

Ах, мой милый Андерсен!..

События последних тридцати лет его жизни заставили Андерсена забыть впечатления прежних обид. Он считал себя необыкновенно счастливым человеком. «Все к лучшему в этом наилучшем из миров!» – любил повторять он, успокаивая других и... успокаиваясь сам. Светлый и радостный оптимизм можно обнаружить во всех его произведениях. Даже его знаменитая сказка «Ледяная дева», несмотря на печальный конец, завершается фразой: «Все к лучшему».

В последние свои дни он был весел, спокоен и полон благодарности за судьбу, а также за любовь и заботу, которую оказывали ему его многочисленные друзья. Рассказывают, что за несколько дней до смерти он пытался спеть старую

детскую песенку, которую когда-то пела ему мать. Он слегка лишь подправил песню, сменив имя Августин на Андерсен:

Ах, мой милый Андерсен,
Андерсен, Андерсен!
Ах, мой милый Андерсен,
Все, все пройдет!..

Бальзак

Каторжник пера и чернил



«Цезарь, Наполеон, Бальзак...»

Оноре де Бальзак. Кто бы мог подумать, что этот коротконогий «тюленеобразный» гимназист, с вечно грязным воротником и сальными волосами, на виду у всех ковыряющийся в носу пальцем, когда-нибудь обнаружит в себе недюжинный талант и станет знаменитым писателем! И его учителя, и родители сходятся в одном: это не ребенок, а «божья кара». Нет, он не шалопай, не озорник, не плакса. Просто он не такой, как все. И это создает проблемы.

Очередной урок в гимназии. Все внимательно слушают учителя. Только Бальзак сидит с отрешенным видом и что-то пишет в своей тетрадке. Учитель несколько раз окликает Бальзака – никакой реакции. Тогда он подходит к нему, тормошит его за плечо и кричит прямо в ухо:

– Месье Бальзак, о чем вы думаете? Я уже четвертый раз к вам обращаюсь!

Бальзак делает огромные глаза, с удивлением оглядывая учителя.

– Опять бездельничаете! Покажите мне свою тетрадь!

Оноре, краснея, протягивает тетрадь.

– Вы не только ленивы, месье Бальзак, но и безмерно горды. Посмотрите, – обращается учитель ко всему классу, – чем забавляется ваш одноклассник!

Бальзак «возымел наглость» поставить свое имя рядом с именем императора и исписал целую страницу словами «Юлий Цезарь, Наполеон, Бальзак, Юлий Цезарь, Наполеон, Бальзак...» Ну разве не идиот? В карцер его! Пусть проветрит свои дурацкие мозги!

В карцере, дав волю слезам, Оноре успокаивается. Затем просовывает руку под скамейку и достает оттуда книгу. Поскольку он частый и почти единственный постоялец карцера, то у него всегда там заранее припрятана какая-нибудь книжица. Их передает ему сердобольный отец Лефевр – единственный учитель в гимназии, симпатизирующий этому незадачливому оригиналу.

Возможно, именно благодаря этой заботе скромного учителя Бальзак смог стать тем, кем он стал впоследствии: книги, прочитанные им в гимназии – за шесть лет он сумел прочитать 6 тысяч томов! – превратили его в ходячую энциклопедию. Его поразительной эрудиции способствовала и невероятная скорость чтения. Позднее, в автобиографической повести «Луи Ламбер», Бальзак раскроет суть своего метода: «Усвоение идей через чтение стало у него любопытным процессом; его взгляд разом охватывал 7–8 строк, его рассудок в это время улавливал их смысл; порой ему достаточно было одного слова для того, чтобы понять смысл всей фразы...»

Страсть к чтению никогда не оставляла Бальзака. Позднее, став студентом, по дороге в университет он, не имея ни одного франка в кармане, останавливался возле лавок буки-

нистов, брал понравившуюся книгу и в течение десяти – пятнадцати минут читал ее там же, у прилавка. Затем делал в книге пометку и шел на занятия. На следующий день он возвращался к недочитанной книге. Таким необычным способом он сумел прочитать несколько сотен книг...

Еще в гимназии он стал сочинять стихи, после принялся за эпопею о жизни инков, затем написал «Трактат о воле». Трактат был уже почти закончен, когда учитель нашел его в парте и сжег на виду у всего класса. Правда, перед этим он зачитал несколько фраз ученикам, которые смеялись над высокопарным стилем трактата так, что съезжали от хохота под парты.

На учительском совете большинством голосов было принято решение отправить этого не совсем полноценного, по мнению многих, подростка обратно к родителям. Что ж, как говорится, и слава богу! Как кто-то верно заметил, «школы шлифуют булыжники и дробят алмазы». Проучись Бальзак подольше, может быть, из него получился бы какой-нибудь совершенно «нормальный» чиновник, рядовой гражданин и налогоплательщик. К счастью, помогло «несчастье».

Нотариусы знаменитыми не бывают

Желание стать писателем, а не помощником юриста или нотариусом, как предлагали родители, было настолько сильным, что никакие беседы, уговоры и даже угрозы не могли

переубедить только что окончившего университет новоиспеченного юриста. «Я хочу стать писателем, а не штатным крючкомтвором! – кричит со слезами на глазах Оноре своему отцу. – Назови-ка мне хоть одного знаменитого нотариуса. Не можешь? Да их просто не существует в природе. И никогда не будет! А я хочу стать знаменитым!..» Никакие разумные доводы этот безумец не слышит. Ну что ж, пусть сам убедится, что писательский хлеб – один из самых горьких, пусть насытится и свободой, и своим писательством. Потом сам согласится, что лучше иметь нелюбимую работу и реальные деньги, чем с утра до ночи мараить бумагу и сидеть голодным.

Родители, посоветовавшись, дают ему ровно один год на то, чтобы доказать, что у него есть литературный талант и что он способен им зарабатывать себе на жизнь. Для этого они снимают ему отдельную небольшую комнатку, обещая ежемесячно передавать ему сумму, необходимую только на то, чтобы не умереть с голоду. В конце года он должен представить родителям доказательство своей правоты – высокохудожественное литературное произведение. Бальзак с радостью принимает родительские условия.

...Ровно через год Бальзаки приглашают соседей и друзей на литературный вечер – их сын устраивает публичную читку своей первой, только что им законченной трагедии «Кромвель». Когда все гости собрались, Оноре с волнением в голосе начал чтение «Кромвеля» – исторической трагедии,

написанной тяжелым александрийским стихом.

Через пять минут для всех, кроме самого чтеца, стало очевидно, что с чувством ритма и размером автор абсолютно не в ладу. Это и неудивительно: сочиняя трагедию, Оноре по пальцам считал слоги, а когда они никак не совпадали, то оставлял их такими, какие получились, – лишь бы предложение было красивым! Через десять минут все поняли, что автор также не в ладу и с фабулой трагедии: как писал русский классик, «все смешалось в доме Облонских» – слишком много героев, непонятно, кто из них главный и чего они все хотят... Через полчаса все стали недоуменно переглядываться, кто-то пытался сдерживать ироничную улыбку, кто-то – откровенную скуку. Оноре и сам начинает понимать, что с его трагедией не все в порядке. Наконец он захлопывает рукопись.

– Есть еще два акта, – старается говорить он как можно более естественным тоном, – впрочем, все это лишь первые наброски...

И печально, бесконечно печально он смотрит на мать, отца и сестру.

В общем, первый блин получился комом. Известное дело! Несмотря на очень плохое впечатление, произведенное чтением «Кромвеля», мадам Бальзак переписала трагедию и – на всякий случай! – показала ее разным сведущим людям. Самый авторитетный из них – академик и писатель месье Андрие – написал ей в ответ: «Пусть этот молодой чело-

век занимается в жизни чем угодно, но только не литературой!»

Как сказал Уильям Блейк, проклятие бодрит, благословение расслабляет. Вместо уныния, Оноре, напротив, как никогда бодр и уверен в себе. Он просит, убеждает, умоляет и вновь выпрашивает у родителей дать ему еще один шанс – еще один год одиночного затворничества на то, чтобы доказать свою творческую состоятельность.

... Через год, в той же гостиной, почти то же многочисленное собрание пришло послушать новое произведение сына Бальзаков. И... вновь провал! Глядя на этого самолюбивого молодого толстячка, кто-то не в силах сдержать насмешливой улыбки, а кто-то за спиной уже покручивает пальцем у виска. Мать и отец стыдливо опускают глаза в пол...

Казалось бы, это конец писательской мечты. Но нет, два года затворнической жизни изменили Оноре. Раньше он только мечтал, а сейчас уже убежден: рано или поздно он станет писателем. Даже если родные и откажут ему в помощи. И любые разговоры тут бесполезны. Родители, впервые видя в нем такой напор и энергию, смиряются с его решением. Еще целых долгих десять лет – до выхода в свет его первого художественного произведения, романа «Шуаны», – понадобится Бальзаку, чтобы убедить весь свет в том, что он настоящий писатель.

В конце жизни Бальзак признавался, что в те годы он вообще не был так уверен в себе и в том, что он когда-нибудь

станет знаменитым писателем. Единственное, что заставляло его следовать избранному пути, – может, кому-то это покажется смешным или наивным, – где-то вычитанное им высказывание Наполеона: «Если когда-нибудь в твоей жизни настанет такой момент, когда ты почувствуешь, что все твои члены сковывает смертельная усталость, и уже не осталось никаких сил сопротивляться жестокой судьбе, сожми в кулак последние остатки воли и сделай еще одно усилие. Еще только одно усилие! Еще только один шаг вперед! И ты увидишь, как в тот же миг все боги устремятся к тебе на помощь! Десятки раз я испытывал это правило на самом себе. И я твердо знаю: у него нет исключений».

Вот так несколько строк одного великого безумца могут изменить жизнь другого. Из тысячи учителей Бальзак избрал для себя наилучшего учителя и усвоил самый лучший его урок.

Кто пьет кофе и кто чай

Всякий успех нужно оплатить. Кровью или потом. Страданиями или терпением. Личным счастьем или здоровьем. Бальзак дорого заплатил за свой успех. Увы, он не родился гением. И даже талант его был далеко не обнадеживающим. Но, к счастью, он обладал двумя важнейшими качествами: привычкой много работать и умением не сдаваться. Даже после тысячи неудач. Неустанный труд дарует мастер-

ство, а несгибаемая воля приводит к успеху. «Если на узкой горной тропе, – гласит китайская мудрость, – сойдутся в смертельном поединке большая сила и большой опыт, в пропасть полетит большая сила. Если же на той тропе встретятся большой опыт и большое желание, на дне ущелья окажется большой опыт». Десять лет опыта вместе с огромным желанием однажды вознесут Бальзака на литературный Олимп. Но, даже став знаменитым, он не перестанет упорно работать.

Его рабочий день, а точнее говоря, рабочая ночь – пятнадцать часов в сутки. Чтобы не уснуть, он ставит ноги в тазик с холодной водой, а на голову – для лучшего кровообращения – надевает меховую шапку. Когда вода согревается, он продолжает работу стоя босиком на холодном каменном полу. А когда и шапка, и холодный пол уже не справляются с подступающей сонливостью, он прибегает к последнему, самому надежному средству – к кофе.

«Кофе, – писал Бальзак, – проникает в ваш желудок, и организм ваш тотчас же оживает, мысли приходят в движение... встают образы, бумага покрывается чернилами...» Потоки этих чернил смешивались с потоками кофе, превращаясь в животворный бальзам, благодаря которому оживали персонажи его многочисленных романов. Этот коварный эликсир преумножит количество написанных им страниц и заметно сократит количество отпущенных ему лет. С помощью кофе он научится преодолевать потребность в сне и

тем самым удлинит свой рабочий день вдвое – до пятнадцати – шестнадцати часов в сутки. Листки его рукописей, дошедшие до наших дней, сплошь покрыты бледно-коричневыми кружками от кофейных чашек – следами медленного яда, – неопровержимое свидетельство огромного количества поглощенного им кофе.

Немецкий поэт Райнер Рильке утверждал, что стихи можно писать только под воздействием чая, а кофе способствует доносам и сплетням. Несколько лет назад английский психолог Джон Кристем провел среди пятидесяти литераторов любопытный тест. Он попросил каждого из них написать в течение двух недель два рассказа. При этом он поставил одно условие: во время работы над первым рассказом из напитков можно было пить только чай, над вторым – кофе. Что же в итоге?

А в итоге подтвердилось мнение Рильке. «Чайные» истории оказались легкими и фантазийными, а «кофейные» – жесткими и реалистичными.

Бальзак – знаменитый кофеман. И если взглянуть на его творчество с точки зрения проведенного Кристемом эксперимента, можно обнаружить, что почти все написанное этим «каторжником пера и чернил» носит жесткий и реалистичный характер. Диккенс, к примеру, тоже был реалистом, но во время работы он предпочитал пить – порою целыми литрами – не кофе, а теплую воду и чай. Может быть, поэтому в его романах, показывающих суровую действительность, все-

гда присутствует надежда и находится место для радости и смеха, чего совершенно нет в романах Бальзака.

Кстати, в том, что кофе – действительно медленный убийца, не так давно убедились американские исследователи. Они установили, что стоит выпить кофе, как в плазме крови мгновенно повышается уровень белка гомоцистеина. Он взаимодействует с молекулами кислорода, превращая их в свободные радикалы, которые повинны в старении организма, а конкретнее – в катаболическом разрушении мышечной ткани. У тех, кто выпивает ежедневно до трех чашек кофе, уровень гомоцистеина хронически повышен, точно так же, как и у заядлых курильщиков.

В театральной драме тема и сюжет – не самое главное...

Бальзак всю жизнь искал того, чего недополучил в детстве: любви и внимания к себе. Отец делал карьеру и гонялся за каждой юбкой, ему не было дела до собственных детей. Мать, прижив от любовника ребенка, все внимание и заботу отдала плоду своей любви. Оноре, рожденного от законного, но нелюбимого супруга, мать почти не замечала. Что такое отцовская забота и материнская любовь, будущему писателю было неведомо. Поэтому, став взрослым, он постарался восполнить этот недочет.

Один из самых простых способов – хвастовство. Так по-

ступают маленькие мальчики, когда хотят казаться значительными. К примеру, он называл себя великим графологом. В разговорах со своими знакомыми он часто хвалился, что может определить характер человека по его почерку. Однажды к нему пришла женщина и предложила отгадать характер человека по письму. Бальзак, ознакомившись с письмом, повернулся к женщине и сказал:

– Вот что я могу вам сообщить, мадам: это письмо писал человек нервный, малокультурный, неряшливый и, как мне кажется, безнадежно глупый...

– Сударь, – прервала его женщина, – это письмо принадлежит вам. Оно написано вами в юношеские годы.

Бальзак еще раз взглянул на письмо, нервно мотнул головой, затем засмеялся, а потом вдруг неожиданно смолк и о чем-то задумался. Затем обернулся к женщине – в его глазах стояли слезы – и сказал:

– По-моему, мадам, я совершенно точно обрисовал вам портрет этого человека.

О том, что он умеет отгадывать характер человека по его почерку, Бальзак больше никому не говорил.

И все же Бальзак мог кое-чем похвастать. Например, скоростью, с которой он писал свои произведения. Однажды, разговаривая с известным издателем Ле Пуатвеном, Бальзак, в ту пору еще безвестный молодой человек, живущий за счет родителей, в запальчивости воскликнул: «Дайте мне название, и я напишу вам роман за одну ночь!» – «Согласен, –

пряча улыбку, восклицает Пуатвен. – Название... ну, например, такое: «Наследница Бирага!» – «Встречаемся завтра в шесть часов вечера!» – отвечает Оноре. – «Я сейчас же примусь за работу!» И, быстро перебирая своими короткими ногами, он исчезает в толпе.

На следующий вечер Ле Пуатвен ожидает Оноре в кафе в компании нескольких приятелей. Последние уже заключают пари.

– Держу пари, что он заснул на первой же странице, – говорит один журналист, известный насмешник.

– Или когда перечитывал ее, – добавляет другой.

– Вот посмотрите, он нам скажет, что у него украли рукопись, – заявляет Ле Пуатвен.

Ровно в шесть часов дверь открывается и на пороге появляется Оноре. Черты его лица заострились, он бледен, волосы всклокочены, но глаза победно поблескивают. А как он улыбается, когда кладет рукопись в 250 страниц на стол ошеломленного Ле Пуатвена!

– Вот! – говорит Оноре, приняв гордый вид. – Я написал лишь первый том, но рассчитываю сделать роман в четырех томах.

Не откладывая дела в долгий ящик, друзья принимают за чтение романа. Персонажи его – их около пятидесяти – почти на каждой странице убивают друг друга, причем из-за совершенно нелепых причин. В романе задействован весь бульварно-романтический арсенал: призраки, гово-

рящие скелеты, стремительные погони, убийства, наименее злодейские из которых не уступают настоящей бойне, ужасающие раскаты грома и гигантские змеи, питающиеся, как говорил один киноперсонаж, «человеческими жертвами». Постоянно сражающиеся герои романа пронзают друг друга шпагами, травят ядом, пытаются, затем совершенно неожиданно воскресают, и все начинается сначала...

Конечно, это был не шедевр, но воображение автора столь богато, что все приходит в изумление.

– Это именно то, чего требуют издатели, – говорит Ле Пуатвен, пожав Оноре руку. – Если хотите, будем работать вместе.

Пуатвен поможет ему напечатать несколько книг, познакомит с журналистской работой и устроит его внештатным сотрудником в несколько газет. Это будет превосходная школа – и жизни, и литературы.

Умение быстро писать, особенно когда ты уже знаменит, означает: зарабатывать много денег. Порой, наобещав сразу нескольким издателям и уже получив от них аванс, он пишет одновременно четыре романа. А чтобы денег было еще больше (а когда их бывает много?), берется и за то, к чему у него совсем не лежит душа. Например, за сочинение пьес для театра.

Однажды Теофиль Готье, друг Бальзака, был срочно приглашен к нему в дом. Там уже находилось трое других литераторов.

– Утром, – объявил ему Бальзак, – я должен читать директору театра свою драму в пяти актах. Но, к сожалению, она еще не написана. Поэтому я и вызвал вас. Пусть каждый напишет по одному акту, а я беру на себя пятый. Думаю, в течение суток мы справимся с этой задачей.

– Да, но есть ли тема и какой-нибудь план? – спросил Готье.

– О боже! – воскликнул в нетерпении хозяин. – Если мы начнем сейчас искать тему и думать над планом, мы никогда не доберемся до конца!

...Готье был сильно удивлен, когда на следующий день Бальзак победоносно сообщил ему, что директору театра пьеса очень понравилась и уже принята к постановке.

«Фан-тас-ти-чес-кая женщина»

В то утро, когда он проснулся знаменитым, в нем вырвалась на волю дремавшая ранее страсть к роскоши. «Трагической аристократоманией» назовут ее биографы. К своему имени он самовластно добавит дворянскую частицу «де». На столовом серебре и на дверцах кареты появится герб, «удостоверяющий» его аристократическое происхождение. С фешенебельной роскошью отделяется внутреннее убранство его нового дома. Да и собственная внешность писателя претерпевает видимые перемены. У него появляются умопомрачительные дорогие наряды: фраки, жилеты, башмаки. Спе-

циально для светских приемов Бальзак заказал себе отличный голубой фрак с пуговицами из чистого чеканного золота. Об этих пуговицах, с легкой руки репортеров бульварных газет, шла молва: будто бы во время поездки писателя в Россию, когда он оказался однажды в сильно натопленной избе, все эти пуговицы, расплавившись, попадали на паркет, немало озадачив их владельца.

Бальзак всегда следовал одному правилу: любое желание должно быть исполнено в тот самый миг, когда оно возникло, каких бы расходов это ни потребовало. В августе 1834 года он купил себе украшенную бирюзой трость работы золотых и серебряных дел мастера Лекуэнта. По просьбе покупателя мастер украсил трость фамильным гербом Бальзаков. Злые языки болтали, что внутри трости имелся тайник, в котором Бальзак прятал портрет обнаженной Евы Ганской. Писательница Дельфина де Жирарден написала даже эссе под названием «Трость господина де Бальзака». Эта «бирюзовая трость» сделала его знаменитым, вдохновив бесчисленное число журналистов и карикатуристов. Сам Бальзак поначалу немало поражался этой внезапно нахлынувшей популярности. Сколько шуму из-за какой-то палки – и гробовое молчание вокруг его «Серафиты»! Впрочем, скоро он понял: над ним не стали бы смеяться, если бы не считали значительной личностью.

Любовь к предметам роскоши соединялась в нем и с преклонением перед теми, кто олицетворял эту роскошь, – но-

сителями голубой крови. И уж тем более носительницами... Как сказал он однажды, «герцогине никогда не может быть больше сорока лет». Любопытно, что его первый любовный роман с Лорой де Берни, роман двадцатидвухлетнего молодого человека с сорокапятилетней женщиной, уже бабушкой, вспыхнул в ту минуту, когда во время трапезы Берни произнесла: «Этот смородиновый сироп такой же вкусный, как и тот, что я пила в Трианоне, когда была девочкой... Нам его готовила сама королева». – «Совсем юной девушкой, – тут же пояснила ему мать, – мадам де Берни была принята при королевском дворе, где ее отец был арфистом у королевы. В аллеях королевского дворца ей часто доводилось играть с августейшими детьми под присмотром мадам Элизабет, сестры короля...» После этих слов Бальзак тотчас же проникся большим уважением к их госте. А вскоре это уважение переросло в любовную страсть.

Титулы и аристократические фамилии всегда производили на Бальзака неотразимое впечатление. Однажды два его приятеля – писатель Мериме и Альфонс Лоран-Жан, известный авантюрист и сутенер, – решили подшутить над его «аристократической слабостью». В каком-то жутком притоне они отыскивали чудовищно безобразную «жрицу любви» – худющую, высоченную бабищу, с сиреневым фингалом под глазом, с выбитыми передними зубами, а также с бесформенной отвисшей грудью, сплошь исколотой неприличными татуировками. Для знакомства с ней они пригласили Баль-

зака в бордель, пообещав ему приятный сюрприз.

Подштукатуренный и жутко напомаженный «сюрприз» был представлен Бальзаку как внебрачная дочь низверженного короля и герцогини де Пл... Мериме, взглянув на Бальзака в надежде увидеть его воодушевление и восторг, обнаружил лишь кислую мину. «Дочь короля» явно не заинтересовала поклонника «белой кости». Тогда Мериме принялся рассказывать ему красивую легенду, придумывая на ходу душераздирающие, достойные шекспировской драмы детали. С каждой такой подробностью взгляд Бальзака оживал, в его глазах уже появился огонек интереса. А когда четверть часа спустя Мериме исчерпал наконец запас своего воображения и закончил историю «бедной дочери покойного короля», Бальзак уже смотрел на нее с нескрываемым восторгом.

Как и ожидали шутники, Бальзак захотел уединиться с этой необыкновенной дамой, чтобы наедине расспросить ее о подробностях ее удивительной жизни. «Это невозможно! – вздохнул Мериме. – После сообщения о гибели своего отца бедняжка потеряла дар речи и с тех пор, представьте, не проронила ни слова!» – «Ничего, – воскликнул Бальзак, – я умею понимать женщин и без слов!»

Два часа спустя, когда все трое приятелей отправились из борделя в ближайший ресторан подкрепиться, двое из них, едва сдерживая улыбку, стали спрашивать Бальзака о «беседе» с «дочерью короля». «Друзья мои, это фан-тас-

ти-чес-кая женщина!..» – начал было Бальзак. Однако после первой же его фразы приятели прыснули со смеху. Вволю отсмеявшись, они признались ему в своем розыгрыше. Бальзак странно отреагировал на это признание. Он остановился, жалостливо посмотрел на одного, затем перевел взгляд на другого и сказал:

– Дурачье! Вы ничего не понимаете в женщинах! И вас можно только пожалеть...

...Почти век спустя популярная американская актриса Вивьен Ли в одном из телеинтервью бросит фразу, которую вскоре повесят на щит все феминистки мира: «Нет некрасивых женщин – есть только женщины, не знающие, что они красивы». Доживи Бальзак до этих времен, он, вне всякого сомнения, горячо поддержал бы эту блестящую мысль.

Не знающий меры

«То, что называлось Оноре де Бальзак, – писал польский писатель Ян Парандовский, – было заполнено огромной толпой человеческих существ, и каждого из них хватило бы на целую жизнь, заканчивающуюся славой или богатством, нуждой или тюрьмой...» Его непропорционально большая голова всегда была забита литературными героями и их проблемами. И проблемы эти, им же самим придуманные, он воспринимал совершенно всерьез. Кто-то из друзей, однажды зайдя к Бальзаку, увидел, что писатель находится в бес-

сознательном состоянии и медленно сползает со стула. Приятель хотел было бежать за доктором, но Бальзак поднялся и остановил его: «Со мной ничего не случилось. Просто только что умер старик Горио...»

Бальзак часто уходил в себя и не слушал, что ему говорят. Друг рассказывает ему о болезни кого-то из своих близких. Бальзак нетерпеливо прерывает его: «Ну хорошо! Вернемся все-таки к действительности – поговорим о Евгении Гранде!» (то есть о героине романа, который он писал).

Бальзак никогда не знал меры. Его видели на бульварах, едущим в коляске и выставляющим напоказ свои шикарные трости: головка каждой из них стоила состояния. Пальцы обеих его рук были покрыты массивными золотыми перстнями. По словам Делакруа, в его туалете всегда было что-то кричащее. Не зная ни меры, ни вкуса, он нередко появлялся на людях в экстравагантных нарядах. На плотной его фигуре – сильно обуженный костюм (чтобы скрыть излишний вес), неряшливого вида жилет (говорят, он вытирает об него жирные пальцы), синие чулки, башмаки, могущие продырявить ковер, и огромная шляпа с широченными полями (которая, ходят слухи, часто служит ему чашей для еды). Одна из газет писала о нем, что «у него внешность школьника, так выросшего за время каникул, что костюм на нем, того и гляди, может лопнуть».

Его знаменитая шляпа вызывала немало нареканий со стороны друзей и смешков со стороны посторонних. Одна-

жды, когда он приехал в гости к родственникам, те пришли в ужас, обнаружив на нем этот кожаный курьез. Очаровательно улыбаясь, тетушка сказала Оноре, что «в городе, где она и ее муж пользуются определенным уважением, они не смогут показываться рядом с ним, если на нем будет такая шляпа». В итоге Оноре пришлось обратиться в шляпную мастерскую, где с трудом удалось подобрать ему шляпу – такая большая была у него голова. Но что делать: в этой голове помещалась вся «Человеческая комедия»!

В другой раз, встретив знакомого, гуляющего по парку вместе с молодой супругой, Бальзак сообщил им, что ему «достаточно взглянуть хотя бы раз в глаза любой из женщин, чтобы тут же открылась вся ее жизнь – от младых лет, причем с мельчайшими подробностями». Знакомый предложил пари: Бальзак, заглянув в глаза его супруги, рассказывает ему все, что он там прочтет, в особенности про ее прошлую жизнь, а сам он, заглянув в его шляпу, рассказывает Бальзаку, что тот недавно ел... Бальзак с удовольствием принимает пари.

Что же в итоге? А в итоге оба оказались правы!

Его вечно всклокоченные, не знающие ни расчески, ни мыла волосы, а также излишне широкий рот с прогнившими зубами, по первому впечатлению вызывали у женщин едва скрываемую неприязнь. Но стоило им встретиться с ним взглядом, как они замирали, словно пригвожденные. Как писал Теофиль Готье, его глаза были «двумя черными алмаза-

ми, в которых на мгновения вспыхивали яркие отблески золота». Сам Бальзак, кажется, ничуть не переживал по поводу собственной некрасивости. «Красота ослепляет, а слепого легко обокрасть», – говорил он.

Возможно, у него был дурной вкус. Возможно, он был недостаточно воспитанным, опрятным и здравомыслящим человеком. Но все это переставало иметь значение, когда он начинал говорить...

Рассказчик веселых историй

Пьер Сиприо в книге «Бальзак без маски» заметил: «Если бы Бальзак занимался только тем, что доставляло ему удовольствие, он, вероятно, остался бы исключительно «рассказчиком потешных историй». Автор озорных и пикантных «Потешных сказок» – редкое исключение в творческом багаже Бальзака – предпочитал шутить не в книгах, а в какой-нибудь приятной компании. А если же в этой компании присутствовала какая-нибудь «интересная особа», то его красноречие не знало границ.

Однажды, гостя у друга его отца, отставного генерала, в один из субботних вечеров, когда в гостиной собрались многочисленные гости, Оноре вдруг обратился к хозяину дома:

– Генерал, вы помните семью Х.? Так вот, в этой семье произошла никому не известная трагедия, достойная самого увлекательного романа.

Все присутствующие хорошо знали эту семью, поэтому интерес к рассказу Оноре был неподдельным. В течение целого часа Бальзак держал своих слушателей в напряжении, увлекая их умопомрачительными подробностями из жизни, казалось бы, совершенно до этого дня неприметных обывателей. Все ахали и охали, кто-то открывал от удивления рот и забывал его закрыть, кто-то махал от удивления головой, кто-то смахивал платочком подступившие слезы... Когда он закончил свой рассказ, наступила эффектная пауза. Ее прервал генерал. Взволнованным голосом он спросил Бальзака:

– Послушайте, Оноре, неужели то, что вы рассказали, правда?

Бальзак лукаво посмотрел на него, затем рассмеялся и сказал:

– В моем рассказе нет ни слова правды, это чистейший вымысел. Я его только что придумал.

В другой раз он совершенно покориł сердца сразу нескольких очаровательных особ и даже их строгих мамаш, рассказав им историю о том, как однажды, прогуливаясь со своим приятелем по берегу реки, он повстречал рыболова...

Рыболов этот, лысый, сухонький старичок с редкой рыжей бородкой, сосредоточенно следил за поплавком. «Этот старикан, – сообщил Бальзаку его спутник, – необычайно доверчивый человек и верит всему, что ему ни скажешь. Но зато и сам он известен как первейший выдумщик». Бальзак тотчас же решает проверить это.

– Добрый день, друг мой, – сказал Бальзак, подойдя к рыболову. – Как идет ловля?

– Так себе, – отозвался рыболов.

– Прошлым летом, – продолжал Бальзак, – я здесь поймал огромную форель. Представьте, она перекусила у меня леску!

– Да, месье, здешние форели это умеют.

– Тогда я взял толстую, крепкую веревку, привязал ее к крючку, нацепил на него добрый кусок баранины и забросил в речку. Представляете, эта прожора и ее перегрызла!

– Да, здешние форели способны и на такое.

– Но я твердо решил вытащить ее, – продолжал Бальзак, не желая сдаваться. – Я раздобыл прочную цепь, и только тогда мне удалось вытащить эту рыбищу на берег!

– Ну, разумеется, – невозмутимо заметил рыболов. – Здешнюю форель только цепью и можно вытащить.

– Но когда она была уже на берегу, – продолжал разгоряченный писатель, – я не смог ее поднять. Пришлось нанять телегу, запряженную четверней, и четырех носильщиков, которые помогли мне отнести рыбу домой.

– Значит, ваша форелька была не очень крупная, – по-прежнему невозмутимо отозвался старичок.

– Тогда, – продолжал Бальзак, начиная уже окончательно выходить из себя, – мы послали форель на луг пастись вместе с коровами.

– Именно так мы и поступаем со здешними форелями, –

подтвердил рыболов не моргнув глазом.

«Тут терпение мое лопнуло, – всплеснул руками перед своими хохочущими слушательницами Бальзак. – Я уже хотел было поднять руки вверх и признать свое поражение, но решил все же использовать последний шанс.

– Но всего поразительнее, – сказал я ему на последнем выдохе, – что через месяц-другой у моей форели выросли рога!

– Что? – вскричал старичок, подскочив, словно ужаленный. – У форели выросли рога?

– Да! – торжествующе повторил я. – У форели выросли рога, словно у коровы!

Я был уверен, что остался победителем в этом поединке. Но мой рыболов гневно потряс головой.

– Сударь, – заявил он мне самым решительным тоном, – вы слишком явно уклоняетесь от истины. У здешних форелей всегда бывают рога!»

...Отсмеявшись и вытерев платочком выступившие от смеха слезы, дамы наградили писателя аплодисментами. А самая очаровательная из них, чуть позднее, уже в прихожей, – сладчайшим поцелуем.

В этот раз Бальзак не стал сообщать, что он только что придумал эту историю. Ее не так давно рассказал ему Россини. Который, в свою очередь, услышал ее, будучи в Англии, от реального участника этой истории – Диккенса.

«Стремящийся к женщине стремится в ад»

Великие любовники, как правило, некрасивы и малы ростом. Рост Бальзака – 165 сантиметров. У него короткие ноги и большая голова, толстые губы и тяжелый, отвисший подбородок. А еще – грязные, лоснящиеся от жира волосы, длинные, с черными каемками ногти и красное, побитое прыщами лицо. Он всегда хочет есть. Когда он говорит, в уголках его рта скапливается и пузырится слюна. К тому же он так неуклюж – просто ужас! Всякой рискнувшей с ним танцевать даме он непременно оттопчет ноги или наступит на шлейф платья. Или, потеряв равновесие, неуклюже растянется посреди зала под дружный хохот всех танцующих. Да еще и даму потянет за собой! Похоже, что с чувством равновесия у этого парня проблемы. Он и в детстве был неуклюж – не мог и трех метров проехать на самокате, чтобы тут же с него не грохнуть. Но кажется, это ничто по сравнению с его умением очаровывать женщин.

Вначале все было ох как непросто. Любая попытка познакомиться с какой-нибудь девушкой заканчивалась одинаково – ему давали от ворот поворот. Однажды он выглянул из окна мансарды и увидел, что внизу, на первом этаже, очаровательная блондинка поливает цветы. Он окликнул ее, но едва она высунула свою головку, чтобы посмотреть, кто же ее зовет, как в нескольких сантиметрах от нее со свистом па-

дает увесистый кусок штукатурки: неловкое движение этого толстяка с верхнего этажа едва не калечит прекрасную незнакомку. «Дурак!» – кричит девушка и закрывает окно.

Через неделю он снова видит ее – и, не удержавшись, снова окликает. Та, забыв о прошлом инциденте, высовывается из окна и смотрит вверх. И в это время в нескольких миллиметрах от нее проносится и разбивается вдребезги цветочный горшок. Это неуклюжий Оноре вновь нечаянно задел локтем стоявший на карнизе горшок с фиалками. И носит же земля таких дураков! Хотя какой же это дурак, это настоящий сумасшедший! От такого следует держаться подальше, решает девушка.

Бедный Оноре начинает ненавидеть женщин. Все, он больше на них не взглянет! И тут же, противореча сам себе, клянется стать знаменитым, чтобы пленять женщин не комплиментами галантейщика, а славой. Все женщины падки до знаменитостей – они не замечают у них недостатков. Да, деньги и слава – чудесные волшебники, способные превратить любого уродца в Аполлона.

Пришедшая после нескольких тысяч рабочих ночей слава принесла не только деньги, но и репутацию романиста, который хорошо «понимает» женщин. Вместе с репутацией начнет пропорционально расти и количество его поклонниц. (Некоторые из 12 000 писем, которые он получил от почитательниц своего таланта, содержали прямые предложения более тесного знакомства...) Теперь у него уже не бу-

дет проблем с поисками партнерш. К тому же он окажется подлинным виртуозом, жонглируя своими многочисленными любовницами так, что их пути никогда не пересекаются. Приходится удивляться, как у него еще находится время на бесчисленные любовные связи при том огромном объеме литературных трудов, который он на себя взвалил.

«Женщина – это хорошо накрытый стол, на который мужчина смотрит по-разному до еды и после нее», – заметил однажды Бальзак. Своих любовниц он пожирал столь же жадно, как и хороший ужин. С молодыми девушками ему было скучно. Он предпочитал зрелых женщин и почти каждой своей любовнице говорил при знакомстве: «У меня никогда не было матери. Я так и не познал настоящей материнской любви». Биографы отмечают, что в постели Бальзак был страстен, нежен и полон сил. Герсон, например, писал: «Он не был особенно разборчив. Он спал с аристократками, куртизанками и просто шлюхами. Его сексуальные способности были столь же ослепительно разнообразны, как и его литературный стиль».

«Каждая ночь должна иметь свое меню», – говорил он. Однако, несмотря на свою любвеобильность, он отчетливо осознавал, что его призвание не женщины, а литература. «Стремящийся к женщине стремится в ад», – повторял он слова из Писания. И добавлял: «Стремящийся к славе стремится к бессмертию». В беседе с Александром Дюма-сыном он однажды заявил: «Я точно высчитал, сколько мы затрачи-

ваем за одну ночь любви. Слушайте меня внимательно, юноша, – полтома! И нет на свете женщины, которой стоило бы отдавать ежегодно хотя бы два тома!»

В ту пору Бальзаку было тридцать восемь лет.

Великим человека делают его устремления

Пьер Сиприо писал: «Бальзак знал, что жизнь полна жестокостей, что вмешательство человека в природу не доведет до добра, что общество разделено на выскочек и жертв, но, осуждая многое в человеческой деятельности, он показал, насколько велик человек в своих устремлениях».

Когда-то в молодости Бальзак приобрел мраморную статуэтку Наполеона и поставил ее на свой рабочий стол. К мраморной шпаге он прикрепил листок с надписью: «То, чего он не довершил шпагой, я довершу пером. Оноре де Бальзак». Бальзак сдержал свое слово. Он действительно завоевал весь мир.

Количество произведений, которое он оставил после своей смерти, огромно. На вопрос, отчего умер Бальзак, журналист Леон Гозлар ответил: «От шестидесяти томов». Сам же Бальзак говорил о своей плодовитости так: «Я стремлюсь занять в литературе как можно больше места, чтобы меньше осталось для дураков».

Андре Моруа писал о Бальзаке: «Бальзак был то святым, то каторжником, то честным, то подкупленным судьей, ми-

нистром, светским щеголем, куртизанкой, герцогиней и всегда – гением». Величайший труженик, он мечтал о сокровищах Монте-Кристо, простой плебей, он надеялся когда-нибудь стать аристократом. Беспомощный в практической жизни, он лез в дельцы, внешне непривлекательный и нескладный, он грезил о страстной любви. Литературный труд не сделал его богатым, попытки организовать свое «дело» чуть не привели его в долговую яму, а стремление «выйти в знать», равно как и «страстная любовь», обернулись для него жестокой трагедией. И все-таки, несмотря ни на что, жизнь Оноре де Бальзака, упрямого чудака, великого труженика и величайшего писателя Франции, была прекрасна. Как прекрасна любая жизнь, наполненная мечтами и усилиями, которые совершаются ради их достижения. И если прав тот, кто сказал, что «счастье – это когда занимаешься любимым делом и еще получаешь за это деньги», то в этом отношении Бальзак был, безусловно, на редкость счастливым человеком.

Бальмонт
Русский донкихот



«И бился головой об унитаз...»

Швейцарский философ Франциск Вейсс так охарактеризовал ее: «Вымысел – ее основа, преувеличение – главное средство. Ее можно назвать горячкой воображения, и сила ее достигает высшего предела в минуты бешеного бреда». О чем это он? Ну, разумеется, о том, к чему большинство трезвомыслящих и практичных людей относится с изрядной долей скепсиса и иронии, – о поэзии.

Кто только в юности не сочинял стихи! Этой юношеской, по выражению Лихтенберга, «болезни роста» отдали свою дань сотни, тысячи, миллионы людей, как известных, так и безвестных. Кропали стишки Мао Цзэдун и Робеспьер, Маркс и Нерон, Черчилль и Муссолини, Гитлер и Сталин. Говорят, что даже печально знаменитый маньяк Чикатило, на чьей совести пятьдесят восемь жертв, записывал в школьную тетрадку стихи о любви...

Конечно, не всякий шум – музыка, и не все, что в рифму, – стихи. Тэффи любила рассказывать о том, как однажды прочла в альбоме своей знакомой стихи-признание от влюбленного в нее молодого прапорщика:

Твои глаза порой похожи
На снившийся во сне топаз.

Ни на одной знакомой роже
Я не видал подобных глаз.

Сегодняшние графоманы и горе-рифмоплеты выдают перлы не хуже. Ну, например, такое четверостишие:

Встаю я утром рано
И отправляюсь в путь;
Течет вода из крана,
Забывая заткнуть.

Ну это так, будничное. А вот вам кусочек из любовной драмы:

В чаду любви, настырной и упорной,
Впадая в пламенеющий экстаз,
В отчаянье я заперся в уборной
И бился головой об унитаз.

Как говорится, Шекспир отдыхает. Думаете, это строки из самодельных поэтов? Тогда вот вам стихи профессионального советского поэта:

К вам мое слово, девушки, —
Зои, Тамары, Нонны, —
Девушки-зоотехники,
Девушки-агрономы...
Так же ль весной и летом

Ходите вы по росам,
Так ли все занимаетесь
Прополкой и опоросом?

Или – в районной газете – подпись штатного поэта под портретом свинарки-передовицы:

Если бы каждый равнялся по ней,
Было бы больше в районе свиней!

М-да... Это было бы печально, если б не было смешно. Впрочем, слава богу, что не каждый «поэт» может публиковать свои опусы. Было бы слишком жаль и бумаги, и денег, и времени, потраченных зря.

Легко писать, не имея таланта. Известный римский политик и оратор Цицерон однажды, слушая болтовню поэтов, вдруг сказал: «Нынче меня донимала бессонница... и я сочинил за ночь десятков пять отличных стихов». Поэты, смутившись, тотчас же умолкли. Присутствовавший рядом Катулл сказал Цицерону: «Думаю, что скромность, Цицерон, никогда не будет твоим главным недостатком»...

И Цицерон, и Катулл вряд ли могли даже предположить, что двадцать веков спустя появится поэт, для которого фантастическая сумма «за ночь десятков пять» не будет большим преувеличением. У этого замечательного поэта и незаурядного человека и имя было необычным – Константин Бальмонт (с ударением на второй слог).

Графоман или рабочая пчела?

Перу Константина Дмитриевича Бальмонта, самого яркого русского поэта Серебряного века, принадлежит невероятное количество литературных произведений. По предварительным данным, Бальмонт оставил после себя одних только переводов около сорока объемных томов, тридцать пять томов стихов, двадцать книг художественной прозы, десятки томов со статьями об искусстве, этнографии, истории. Еще добрый десяток томов составляет его эпистолярное наследие. И еще пару томов – записные книжки. Поэт Михаил Цетлин писал вскоре после смерти Бальмонта, что сделанного им достало бы не на одну человеческую жизнь, а «на целую литературу небольшого народа».

Бальмонт писал, как дышал. То есть фантастически много. Работал изо дня в день, дома – почти всегда строго по часам, вне дома – в любых условиях: во время путешествия, в гостях, на прогулке, на больничной койке. Сочинял стихи даже во сне: клал около постели бумагу и карандаш, а утром просыпался с готовым стихотворением. Или даже несколькими... В результате только за один 1921 год – тяжелейший, голодный год – у него вышло шесть книг стихотворений!

Этот дар поэт получил не от рождения. Он его заслужил. Бальмонт в молодости – мало чем замечательный, хотя и несколько нервный молодой человек, рано женившийся

(конечно же по любви), романтик-теоретик, увлекающийся революционными идеями, максималист, эстет и типичный болтун. Его ожидала судьба неудачника, если бы однажды он не решил... покончить с собой.

Столько неудач в один год – это уже слишком! Поссорился с родителями и остался совсем без денег. За участие в революционном митинге выгнали из университета. Измена жены. Выходит первый сборник стихов – и полный провал. Даже близкие друзья советуют ему завязать с «бесполезным бумагомаранием». Поэт скупает на последние деньги весь тираж и сжигает его в камине. Далее следует логическая развязка: прочитав накануне ночью «Крейцерову сонату» Льва Толстого, он бросается из верхнего окна трехэтажного дома на булыжную мостовую...

Он не разбился насмерть, а только изуродовал себя: проломленная голова, выбитые зубы, сломанные ребра, рука и нога. Стал хромым, появилась шепелявость, правая рука осталась навсегда больной, от малейшего напряжения в ней воспалялся нерв и причинял сильную ноющую боль. Пришлось учиться писать левой рукой.

Целый год он пролежал в постели (из-за необычайного истощения не срастались кости). Чтобы отвлечься от постоянной боли, стал читать. Читал запоем, от рассвета до поздней ночи, прочитав одну книгу, тут же брал в руки другую. И так целый год. Именно этот год вынужденного затворничества изменил всю его жизнь, способствовал, по его словам,

«небывалому расцвету умственного возбуждения и жизнерадостности»: «И когда наконец я встал, душа моя стала вольной, как ветер в поле, никто уже не был над ней властен, кроме творческой мечты, а творчество расцвело буйным цветом».

Позднее, объясняя «свалившуюся» на него славу, Бальмонт отмечал: «У каждой души есть множество ликов, в каждом человеке скрыто множество людей, и многие из этих людей, образующих одного человека, должны быть безжалостно ввергнуты в огонь. Нужно быть беспощадным к себе. Только тогда можно достичь чего-нибудь».

Чтобы получить нечто ценное и желаемое, нужно что-то отдать или чем-то пожертвовать. Пожертвовав всего лишь одним годом нормального человеческого существования, Бальмонт получил – должно быть, в качестве компенсации – яркую, насыщенную разнообразными событиями и впечатлениями жизнь. И еще – небывалую славу поэта.

Путь наверх

Успех пришел не сразу. Поскольку стихи его печатали неохотно и почти ничего за них не платили, кто-то надоумил Бальмонта заняться переводами. Здесь вполне можно было рассчитывать на публикацию, а значит, и на гонорар. Бальмонт стал изучать иностранные языки. Увлеченный Ибсеном, он захотел прочесть его в оригинале и стал активно изу-

чать шведский язык. На первые «серьезные» деньги выписал себе полное собрание сочинений Ибсена. И, только получив книги, узнал, что Ибсен... писал по-норвежски. Столько сил и столько денег – и все коту под хвост!

Но ничего, он вовсе не намерен, как раньше, горевать по таким пустякам. Неудача – это только проба характера. Бальмонт с тем же пылом принимается изучать норвежский. На перевод лучших пьес Ибсена пришлось потратить целый год. И – ну что за невезение! – книгу сжигает цензура.

Любой другой на его месте потерял бы, наверное, всякий энтузиазм. Но только не Бальмонт. Он топит неудачи в истовой работе. Работает нещадно и безостановочно, по нескольку недель не выходя из дома. Работа продолжается даже во сне: сочинив стихи во сне, утром второпях он записывает их на бумагу – уже без помарок и исправлений! Он выпускает один сборник стихов за другим, за свой счет, разумеется, и совсем мизерными тиражами. О какой-либо литературной славе и речи быть не может – ей просто не за что зацепиться.

Но вот в отлаженном механизме постоянного невезения, похоже, что-то сломалось: несколько популярных журналов, обратив внимание на стихотворение «Челн томления» из его сборника «Под северным небом», перепечатали его на своих страницах. И это стихотворение сразу же делает Бальмонта знаменитым.

Вечер. Взморье. Вздохи ветра.

Величавый возглас волн.
Близко буря. В берег бьется
Чуждый чарам черный челн...

Ох и досталось же Бальмонту от критиков за этот «чуждый чарам черный челн»! Поразительно: среди нескольких десятков критических статей, посвященных этому сборнику, не нашлось ни одной не то чтобы положительной, даже нейтральной. В Московском университете студенты устроили голосование: являются ли стихи Бальмонта поэзией. С подавляющим преимуществом голосов был вынесен вердикт: Бальмонт – это «литературный пустоцвет». Казалось бы, разгром полный. Но, как известно, самая темная минута ночи – одновременно и минута начала рассвета. Дурная слава – тоже слава. На него уже обращают внимание, а это уже хорошо. Надо только закрепить успех. И поэт с блеском справляется с этой задачей. Следующие сборники – «Тишина», «Горящие здания», «Только любовь» и в особенности «Будем как солнце» – возносят еще год назад неизвестного поэта на вершину литературного Олимпа. Он становится настоящим кумиром молодежи. Сборник «Будем как солнце» стал самой популярной книжкой поэта. За полгода она разошлась тиражом 1800 экземпляров, что по тем временам было неслыханно для поэтической книги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.